

Научная статья

УДК 82-3

doi: 10.17223/19986645/84/10

Штрихи к портрету парижанки: документализм М. Алданова в очерке «Зигетт в дни террора»

Станислав Константинович Пестерев¹,
Светлана Анатольевна Иванова²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ s.k.pesterev@urfu.ru

² s.a.ivanova@urfu.ru

Аннотация. Рассмотрены принципы отбора материала для очерка М. Алданова «Зигетт в дни террора» (1939). Архивная переписка используется Алдановым для создания очерка о способах существования в политически неспокойные времена. Изображая макросторию, автор пренебрегает раскрытием образа главной героини очерка. Определяется принадлежность анонимной Зигетт к семейству Броньяров. Поднимается вопрос оправданности и осознанности авторского смещения акцентов, а также о границах авторской осведомленности.

Ключевые слова: Великая французская революция, Алданов, очерк, документ, Броньяр, террор

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта фонда Фулбрайта – Visiting Scholar 2021. Авторы благодарят В.В. Шадурского, А.И. Пантюхино и Г.Р. Вырву за ценные комментарии.

Для цитирования: Пестерев С.К., Иванова С.А. Штрихи к портрету парижанки: документализм М. Алданова в очерке «Зигетт в дни террора» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 198–212. doi: 10.17223/19986645/84/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/84/10

Restoring the portrait of a Parisian lady: Documents in Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora"

Stanislav K. Pesterev¹, Svetlana A. Ivanova²

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ s.k.pesterev@urfu.ru

² s.a.ivanova@urfu.ru

Abstract. The article dedicated to Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora" [Ziguette in the Days of Terror] has two distinct aims. First, the authors highlight principles of selecting materials for portraying characters of the essay. The primary

source for Aldanov's essay was Louis de Launay's archival publication of a French maid's diary, illustrating the private life during the French Revolution. The diary focuses on the life of "citoyenne C" and her family, which included Ziguette, a fourteen-year old daughter. The diary describes their daily life with dinners, theatres and private lessons. People surrounding them include A.-D. Chaudet, D.-J. Garat, P. D.É. Lebrun (Lebrun-Pindar), J.-A. Houdon and other representatives of culture. The diary does not portray them in detail or pay any special attention to them. Aldanov's approach exploits the archival documents to create a totally different text. Instead of family-centered narration of the diary, Aldanov suggests a group of portraits dedicated to the family's artistic entourage. The key persons in the essay are Jacques-Louis David, Lebrun-Pindar, Hubert Robert and Jean-Honoré Fragonard. Their lives illustrate different approaches to surviving in a dark time of the French Revolution. Some may try to conform to a new reality – successfully (David) or not (Lebrun-Pindar), while others live their lives as if nothing has happened (Robert, optimistically enduring the difficulties and Fragonard, succumbing to despair). The author suggests no reasons why some people may succeed, while others do not – that goes well with Aldanov's philosophy of chance. The shift of the author's attention from private to public life indicates Aldanov's narrative values. Most of his texts highlight the episodes of great historic importance e.g. revolutions and assassinations, and therefore prominent historic figures are the most frequent in his works. They are well documented and their stories seem more appealing and recognizable to a reader. Aldanov's distance from "feminine" and "domestic" realities can be another reason for filtering out many archival details. The second aim of the article is to unveil the identity of Ziguette. The author misses information about her family and adult life and regrets that. Meanwhile, Ziguette belonged to the Brogniart family. Her childhood portrait (by Elisabeth Vigée Le Brun) is exhibited at the National Gallery in London. She married Louis-Andre Pichon, French ambassador involved in the Louisiana purchase by the United States. Her father, Alexandre-Théodore Brogniart, was an architect and made a project of the Père Lachaise cemetery and Palais de la Bourse (now Palais Brogniart) in Paris as well as many other sights. Her brother, Alexandre Brogniart, was a profound specialist in natural sciences and the director of the Sèvres porcelain factory. These facts correct the author's statement about "average family" and raise a question of author's awareness about his characters' background.

Keywords: French Revolution, Aldanov, essay, documents, Brogniart, terror

Acknowledgments: The study was carried out as part of a grant provided by the Fulbright Visiting Scholar Program (2021). The authors thank V.V. Shadursky, A.I. Pantyukhina, and G.R. Vyrva for valuable comments.

For citation: Pesterev, S.K. & Ivanova, S.A. (2023) Restoring the portrait of a Parisian lady: Documents in Mark Aldanov's essay "Zigett v Dni Terrora". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 198–212. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/10

Большинство очерков Марка Алданова относится к жанру «портретных» и изображают личность, внесшую значительный вклад в историю, однако «Зигетт в дни террора» держится несколько особняком. Очерк опубликован летом 1939 г. в газете «Последние новости»¹; ко времени этой публикации большинство «портретов» уже было написано Алдановым, и в

¹ № 6688, 6691, 6698 и 6702.

1940-е гг. он начал осваивать жанр рассказа, поэтому очерк можно воспринять как форму перехода к собственно художественному произведению. Несмотря на заголовок, выделяющий конкретного персонажа, образ Зигетт лишь связывает «террористическую», «гастрономическую», «артистическую», «театральную» и другие части текста.

Пожалуй, все очерки Алданова имеют документальную основу, однако в этом случае принцип работы автора с документами отличается от тех, что использованы в большинстве его текстов. Алдановский текст как бы «прорастает» из архивной находки профессора де Лоне¹. Поводом для обращения Алданова к данному документу послужила 150-летняя годовщина Великой французской революции. Писатель комментирует публикацию дневниковых записей гувернантки парижской семьи С., предназначенных для отца семейства, архитектора на королевской службе, отправившегося работать в провинцию. Записи отражают мирный и незамысловатый буржуазный быт, который контрастирует с эпохой Террора.

Первая задача, которую мы ставим перед собой, сопоставляя публикацию де Лона с очерком Алданова, – уточнить алдановские принципы отбора документального материала. Это позволит точнее понять аксиологию Алданова. Мы сравним публикацию профессора де Лоне [1, 2] с очерком «Зигетт в дни террора»² с точки зрения композиции, состава персонажей и создания их образа. Другая задача – идентифицировать Зигетт и ее семью, этому будет посвящена вторая половина статьи.

I

Очерк Алданова состоит из семи пронумерованных частей и небольшого заключения. I часть – история документа и семьи С., влияние Великой французской революции на современные политические биографии, II – повседневность эпохи Террора, III – перемены в быту с акцентом на гастрономии и появление самой Зигетт в повествовании, описание ее обычного дня. Следующие части фокусируются на различных формах искусства: в центре IV части – художник Давид и его школа живописи, которую посещала Зигетт, в V части – поэт Пиндар-Лебрэн, VI часть посвящена театру, а VII – снова живописи, с упоминанием Юбера Робера и Фрагонара. Прокомментировав празднование 20 прериала в честь Верховного Существа, в финале очерка автор сожалеет, что более никаких данных о семье и дальнейшей судьбе Зигетт не сохранилось.

Несмотря на заголовок, Зигетт не является центральным персонажем. Да и «дни террора» насыщены далеко не террором. Очерк строится вокруг

¹ Отметим удивительное созвучие личности Луи де Лоне (1860–1938) самому Алданову. Профессиональный ученый-геолог, с книгами и статьями об истории науки (биографии Андре-Мари Ампера, Гаспара Монжа, семьи Броньяров), истории быта Французской революции и работой, посвященной Декарту.

² Первая публикация – «Последние новости», июль-август 1939 г., цит. по: [3].

четырёх увлечений юной парижанки и ее учителей. В его начале повествователь переводит фокус от личностей, современных ему (Франко, Гитлер, Сталин), к прохожим и обывателям, которые не меняются с течением времени. Провожающие колесницу с осужденными на казнь уподобляются читателям газет, равнодушно впитывающим в себя цифры жертв авианалетов. Образ толпы отсылает к формуле «Panem et circenses!», и Алданов начинает с хлебов, которые «гораздо важнее зрелищ». Автору многочисленных «портретов» важен фокус на отдельной личности, поэтому для иллюстрации кулинарного изобилия берется экстравагантный и даже слегка раблезианский образ Гримо де ля Реньера¹. Подобное внимание к личности характерно и для дальнейшего текста. Так, сама композиция очерка отдаленно напоминает «Мертвые души»: вслед за главным героем, юной Зигетт, связующей произведение, следует «монографическое» и преимущественно персонифицированное представление живописи, поэзии и театра периода революции. Если у Гоголя души помещиков в той или иной степени мертвы², то души парижан конца XVIII в. в первую очередь одержимы идеей приспособления к резко меняющейся ситуации. Возникающий в финале очерка образ Зигетт и ее семьи содержит больше догадок, чем фактов – повествователь сожалеет, что ему более ничего не известно о дальнейшей судьбе главной героини и ее семьи.

Профессор де Лоне опубликовал 30 дневниковых записей. Приведем роспись их содержания по хронологическому принципу: 16.01.1794 – утренние сборы, урок у Шоде, домашний обед, чтение римских поэтов; 20.01 – почасовой распорядок домашнего быта; 21.01 – покупка черного

¹ Отметим, однако, что у самого Реньера находятся свидетельства влияния революционных событий на культуру еды: «Беседы за табльдотом велись по большей части увлекательные и веселые. Посвящены они были новостям литературы и театра, а поскольку политика в те благословенные времена мало занимала умы, можно было говорить обо всем откровенно, ничего не опасаясь. За общим столом нередко завязывались знакомства приятные и полезные, а порой там даже брала начало крепкая дружба. Весь этот порядок переменяла Революция. С первых ее дней все общественные собрания превратились в самые настоящие арены; высказывать мнение о чем бы то ни было сделалось опасно, ибо все очень быстро сводилось к политике. Поскольку все порядочные люди были в большей или меньшей степени недовольны новым порядком вещей, у них порой вырывались жалобы и пени, о которых патриоты немедленно доносили как о преступлениях против Революции тысяче и одному сыскному комитету, алчущему подобных разоблачений. Чтобы избежать доноса, следовало обедать, не произнося ни слова, и безропотно сносить оскорбления, которыми патриоты, проникшие во все общественные заведения и распоряжавшиеся там по-хозяйски, осыпали всякого, кто думал не так, как они. С этого времени самые прославленные гостиницы уже ничем не отличались от трактиров; учтивость покинула табльдоты, и трапеза за общим столом превратилась в форменный грабеж; порядочные люди за такой стол сесть не осмеливались, прочие не могли поладить, и табльдоты пришлось закрыть» [4. С. 552].

² «И иначе он не мог назвать; не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу» [5. С. 220].

платья и обед у Узо; 22.01 – утренние занятия историей, урок у Гара в Лицее; 27.01 – лекция Гара, учеба; 28.01 – обед у Лебрена в компании Жерара; 29.01 – урок Прадера, оперы *Laure et Zulme* и *Michel Cervantes*; 10.02 – дамы собираются в театр на трагедию «Нерон и Эпихарис», перечисляются наряды; 11.02 – чтение «Британика» Расина; 12.02 – Шоде дает урок Зигетт, визит нарядной поварихи, сборы в театр; 14.02 – визит Пармантье; 16.02 – посещение лица, прослушивание речей и стихов; 18.02 – визит Лебрена, чтение стихов, поздний уход; 24.02 – уроки, театр, опера; 05.03 – день рождения матушки, Зигетт поет и играет на фортепиано; 06.03 – завтрак у С., ее посетители; 08.03 – посещение Лебрена, ужин и поход в театр; 10.03 – поездка в Отей и прогулка обратно домой; 14.03 – Гудон оценивает рисунки Эмили; 16.04 – гражданка С. читает Поупа; 25.04 – Зигетт наряжается на день рождения гражданки Прадер и поет там; 29.04 – лекция о сценических нарядах и танцах в Обществе Искусств; 09.05 – Зигетт рассказывает о поездке в Отей и о том, как не попала на спектакль.

После этого следует комментарий де Лоне, подчеркивающего жизнерадостность этой семьи, продолжавшей посещать концерты и спектакли в самый разгар эпохи Террора. В качестве иллюстрации одного из развлечений того времени публикуется объемное письмо от 09 июня 1974 г., в котором описывается новоизобретенный праздник Верховного Существа. Завершают публикацию размышления де Лоне о способности «добропорядочной публики» избегать революционных волнений. Красноречива завершающая фраза «Ураган обрушился на дуб, а затем небо прояснилось. Птицы в своем гнезде ничего этого не заметили!»¹.

Существует множество свидетельств бережного обращения Алданова с документами. А.А. Кизеветтер в рецензии на роман «Чертов мост» аттестует автора как «добросовестнейшего и прилежнейшего в исторических изысканиях эрудита», которому присуща «скрупулезная историческая точность» [6. С. 478]. А.В. Бахрах замечает, что «Алданов долго работал в архивах и библиотеках, заполнял свои рабочие тетради выписками и, таким образом, располагал почти необъятным материалом» [7. С. 17]. Но очерк Алданова, несмотря на заявленную документальность («Об этом документе <...> позволительно вспомнить в юбилейные дни»), разительно отличается от записей гувернантки. Архивные материалы пригодились Алданову как мотив для создания характеристик известных личностей.

Портрет Зигетт и ее повседневные заботы обрисованы на полутора страницах текста: «очень хороша собой, умница, имела разные таланты», «знала наизусть чуть ли не всего Расина, пела, рисовала», «посещала курсы по разным предметам знания», «живопись была главным талантом и главной страстью Зигетт» [3. Р. 222]. В публикации де Лоне образ Зигетт пред-

¹ L'ouragan s'est déchaîné autour du chêne, puis le ciel s'est rasséréné. Les oiseaux dans leur nid ne s'en sont pas émus (здесь и далее перевод с фр. С.А. Ивановой. – С.П., С.И.) [2. Р. 242].

ложен в предисловии: «Очень умная, очень красивая, очень живая молодая особа»¹. Несложно обнаружить парафраз этой формулы в очерке Алданова. Однако замечание о степени знакомства с творчеством Расина не находит подтверждения в источнике, оба упоминания французского драматурга, «Стихи Расина, которые заучиваются наизусть»² и «Они повторяют со мной несколько строк из Расина или Буало»³, не столь детальны, как алдановская характеристика. Гиперболизация – не самый типичный прием Алданова, так что за ней можно усмотреть как стремление к идеализации персонажа, так и особенность авторского восприятия первоисточника. Сам же образ Расина вызывает к памяти покорных чужому произволу людей. Однако если герои драматурга все же добиваются, иногда пусть и посмертного, но торжества, то алдановские персонажи лишены таких амбиций, их стратегия – не видеть зла, совершающегося вокруг них.

Впрочем, большинство деталей Алдановым выпускается. Сборы Зигетт, при которых тщательно описывается ее наряд: «Большой яркий головной платок, так аккуратно когда-то свернутый матушкой; папильотки в и без того вьющихся волосах; белоснежная баска с рукавами и глубоким декольте, серьги... зеленые, ремешок – все, что можно себе представить необходимым для женщины, которая занимается своим туалетом. А над всем этим – милое личико, присутствие которого придает значимость происходящему вокруг. Такова гражданка Зигетт»⁴, игнорируются автором, и это не единичный случай. Равнодушие к женскому гардеробу демонстративно передается фразой «какое-то платье, купленное за 22 франка на рю де Бак, занимает в переписке немало места» [3. P. 223].

Публицистами и исследователями неоднократно подчеркивалось «слабое место» Алданова – недостаточное внимание к женским персонажам, отсутствие психологической их глубины и правдоподобности [8, 9]. В данном очерке это проявляется с особой силой – письма написаны гувернанткой и изображают в первую очередь «женский мир» и быт Парижа⁵. Зигетт и ее матушка посещают занятия, принимают гостей, женщин рисуют и им читают стихи. В очерке Алданова акценты в значительной мере переносятся на учителей Зигетт. Даже в распорядке дня Зигетт упоминание каждого из ее педагогов (Шоде, Пиндар-Лебрэн) влечет за собой связанное с ним отступление. Более того, эти имена притягивают другие имена – за Шоде следует Давид, а Юбер Робер оказывается товарищем Фрагонара. Вторая половина очерка – бенефис учителей Зигетт и, соответственно, выход к знаменитым мужчинам.

¹ *Petite personne très intelligente, très jolie, très vivante* [1. P. 44].

² *Des vers de Racine qu'on apprend par cœur* [1. P. 52].

³ *On répète avec moi quelques vers de Racine ou de Boileau* [1. P. 52].

⁴ *Le beau madras arrangé avec tout le goût possible par la maman; les cheveux en papilotes, tout bouclés, tout frisés; un pierrot tout blanc, des pendants d'oreille... verts, une ceinture, tout ce qu'on peut imaginer de parures; et, par-dessus tout cela, une petite physionomie qui fait valoir ce qui l'entoure* [2. P. 227].

⁵ О значительной роли женщин в событиях Французской революции см.: [10].

Архивная переписка пронизана упоминаниями различных артистов, однако их значимость для текста не столь высока: это не фундамент, на котором держится материал, а лишь яркие детали. О роли искусства в жизни сказано в предисловии де Лоне: «Это были мирные люди, сдержанные в речах и более занятые литературой или искусством»¹. Гувернантка предлагает емкую характеристику творческого окружения семьи Зигетт: «Гражданин Лебрэн, гражданин Депре, Прадер – все эти добропорядочные республиканцы наблюдают за образованием Вашей Эмили. Они приходят два раза в неделю. Вы знаете, насколько талантливы все трое. Итак, мой друг, Вы можете судить о том, какое наслаждение испытываешь, слушая каждого из них. Один касается струн моей души, другой питает мой разум, третий же своим исполнением пробуждает все мои чувства. Добряк Шоде и его жена вторят им хором»².

Последующие эпизоды, в которых фигурируют эти персонажи, не предполагают их детальной портретизации. На ужин заходят Лебрэн и Жерар, художник (не только талантливый, но и чрезвычайно мягкий и скромный) хвалит рисунки Эмили (Зигетт), а поэт читает свою новую (полную поэтической теплоты) республиканскую оду на взятие Тулона. В другой раз он читает стихи «о черных глазах и о голубых глазах». Ригель неоднократно заходит поиграть на фортепиано. Шоде оказывается большим любителем варенья. Гардель проявляет сыновние чувства в Доме Искусств. Гудон хвалит рисунки Зигетт. Пожалуй, наиболее объемным фрагментом, содержащим художественную рефлексию, можно назвать визит к Лебрэну: повествовательница удивляется отсутствию беспорядка, который она ожидала обнаружить у творческого человека, и даже возмущается тому, что Лебрэн в быту не соответствует стереотипному образу творца. На этом упоминания артистов заканчиваются: отцу семейства важнее читать в письмах, как живет его семья, а не лица, ее окружающие.

В очерке М. Алданова совсем иная расстановка сил. Вторая половина очерка целиком посвящена деятелям различных искусств. Интерес к ним повествователя неподделен: переход к Давиду происходит через формулу «к сожалению (курсив наш. – С.П.), в переписке ничего не сообщается о школе живописи, в которой училась Зигетт» [3. Р. 223]. Для Алданова это не проблема: «но тут у нас есть другие источники» [3. Р. 223]. Выход к излюбленному алдановскому жанру, «портрету», невозможен без использования документальных свидетельств, и в случае с Давидом таковых гораздо больше, чем у анонимной ученицы. Рамку портрета образует его школа

¹ Il s'agissait là de gens paisibles, réservés dans leurs paroles et plus occupés de littérature ou d'art [1. P. 45].

² Le citoyen Lebrun, le citoyen Després, Pradère, tous ces bons républicains suivent l'éducation de votre Émilie. Je les ai deux fois par semaine. Vous connaissez le talent de ces trois citoyens. Eh bien, mon ami, vous pouvez juger de mes jouissances à les entendre chacun dans leur genre. L'un touche mon âme, l'autre mon esprit et l'autre, par ses accents mélodieux, s'empare de tous mes sens. Le bon Chaudet et sa femme font chorus [1. P. 50].

в Лувре: открывается портрет интерьером и заканчивается его взаимоотношениями с учениками, а в центре фрагмента оказываются его влияние, моральные качества и взаимоотношения с властью. Одним из основных приемов поэтики Алданова можно назвать параллели между эпохами, чаще всего прошлым и настоящим; советским аналогом Давида, ключевой фигуры во французском искусстве конца XVIII в., становится М. Горький: «По положению это был Горький Французской революции» [3. Р. 224]. Впрочем, в масштабах таланта Давид, разумеется, выигрывает у советского писателя. Место Давида в мире искусства определяется также упоминанием Рафаэля и Тициана, с которыми современники сравнивали художника (как следует из ироничной ремарки автора, при «очень к нему благосклонном строе»).

Литература в образе поэта Пиндара-Лебрена получает в тексте Алданова гораздо меньше внимания. Среди причин можно выделить отсутствие на тот момент влиятельных авторов: эпоха Просвещения уже закончилась, посеяв, впрочем, революционные зерна в души людей, а романтизм еще не сформировался. Динамика революции способствовала малой форме, – памфлету, эпиграмме, статье, – поэтому именно журналист Марат оказался на гребне волны.

Кроме того, образ поэта Лебрена во французской литературе достаточно скомпрометирован его образом жизни и вынужденными политическими метаниями. Критик Лагарп заметил, что Лебрен за всю жизнь написал много хороших строк, но ни одного хорошего стиха [11. Р. 472]. Его роль в жизни семьи Зигетт, однако, значительнее, чем у Давида. Алданов полагает, что Лебрен был влюблен в хозяйку дома, и мы склонны согласиться с тем, что подобный сценарий не исключен¹. Это обстоятельство могло бы направить авторское внимание на Зигетт, но для него это все так же ребенок, окруженный взрослыми разной степени влиятельности. А предположение «Может быть, Зигетт в самом деле хорошо рисовала» служит лишь поводом вспомнить об эпизоде во взаимоотношениях Давида и Жерара. Дистанция к предмету изображения позволяет автору поразмышлять о причинах, толкающих людей на смену своих взглядов.

В этом мы видим переход к одной из основных тем, интересующих Алданова как политического мыслителя, – механизмы осуществления и принятия массами революции. И вывод, который он делает, носит оправдательный характер: люди меняются либо из чувства человеческой стадно-

¹ Le citoyen Lebrun est venu nous voir et nous a dit ses vers sur les yeux noirs et les yeux bleus. Il est resté assez tard, quoique son dessein fût de s'en aller de bonne heure. Mais que voulez-vous? La citoyenne C... a quelque charme, quelque secret magique. On ne peut s'attacher d'auprès d'elle [2. Р. 229]. «Гражданин Лебрэн пришел к нам в гости и прочитал нам свои стихи о черных глазах и о голубых глазах. Он пробыл у нас допоздна, хотя изначально хотел уйти раньше. Но что уж тут поделаешь? Гражданка С... прелестна, есть в ней какая-то чарующая тайна. Попадаешь под ее обаяние и не можешь отвести от нее глаз».

сти – так безопаснее, и никто не осудит, либо из патриотических соображений – закрывая глаза на безусловные проблемы, они небезуспешно пытаются найти и достоинства нового режима. В случае с Францией, пишет Алданов, равенство классов и возможностей служило поводом примирения с преступлениями. Что же могло быть в случае с советскими гражданами, читатель способен решить уже самостоятельно.

Часть, посвященная театру и опере, связывает сценическое увлечение семьи Зигетт со знакомством с Пиндаром-Лебренем. Однако в публикации де Лоне мы не находим подтверждения этому. Более того, сожаление автора: «В письмах почти ничего не сообщается о тех пьесах, которые они видели. Упомянут “Нерон”. А то указания краткие: были в драме, были в опере» – также не соответствует истине, так как еще в пяти случаях приводятся названия постановок, на которых побывали родные Зигетт. Вместо этого Алданов рассматривает реформы, произошедшие в театре революционной Франции, и приводит несколько исторических анекдотов. Аналитика «от первого лица» также присутствует, автор выявляет причины интереса к театру во время революционных бурь. Среди причин опять называются две: апеллирующее к растворению, потере контроля «желание забыть-ся» и снова – патриотизм, ведь искусство способно вызывать и подъем гражданских чувств в народе.

Перемещение последней части очерка «Зигетт в дни террора» из пространства города в Отей, пригород Парижа, не меняет авторской стратегии. Оттолкнувшись от того, что у семьи Зигетт там находилась дача, и отметив высокую историческую значимость этого поселения, повествователь «обнаруживает» художника Юбера Робера в соседях у Зигетт. Архивная публикация упоминает его мимоходом, сразу же переходя к другим дачным заботам и развлечениям, но для Алданова его фигура становится гораздо более интересной, чем подруги или крестные матери семейства. Юбер Робер представлен образцом стойкого жизнелюбия, кажущимся повествователю сверхъестественным, так как описание его злоключений в тюрьме Сент-Пелажи пропитано ироничной легкостью стиля: «...ну посадили в тюрьму, скоро дело выяснится, выпустят» [3. Р. 236].

Иная реакция на революционные события показана у Фрагонара. Товарищ Робера оказывается морально раздавленным переменой настроений заказчиков, и его позиция – подавленное бездействие. Значение семьи С. в этом фрагменте несущественно: «У них были там и другие приятели, известности не имеющие. Дачники жили как дачники, ходили друг к другу в гости, играли, пели, иногда молодежь танцевала» [3. Р. 239]. Автор постоянно пытается вырваться из повседневности в мир примечательных событий («Как-то у соседей была свадьба – веселье необыкновенное») [3. Р. 239] или людей («Забавно, что Робеспьера она просто не заметила: не упоминает даже его имени») [3. Р. 240].

Отталкиваясь от текста де Лоне про обывателей, проживающих в переломную эпоху, но как будто не замечающих ее, Алданов пытается проанализировать различные стратегии поведения творческой личности во время

террора. Это может быть как успешное (Давид) или не слишком успешное (Пиндар-Лебрен) приспособление, так и попытка вести прежнюю жизнь (Робер, с оптимизмом проходящий через беды, и Фрагонар, опускающий перед ними руки). Какой-то закономерности, почему у одного человека что-то получается, а у другого нет, повествователь не выявляет. Причинно-следственную связь определить невозможно как вследствие алдановской философии случая, так и по причине создания очерка, не претендующего на глубину анализа. Однако сюжеты времен Великой французской революции неизбежно проецируются на ситуацию эмиграции как факты личной и общественной трагедии.

II

Завершается алдановский очерк словами: «К сожалению, профессор де Лоне, опубликовавший эту интересную переписку, ничего нам не сообщил о дальнейшей судьбе Зигетт. Мы ведь не знаем и ее фамилии» [3. Р. 240]. Попробуем исправить эту ситуацию, так как жизнь Зигетт сложилась более замысловато, чем у простой парижской обывательницы. Да она и не была таковой с самого начала.

Профессор Луи де Лоне опубликовал дневник гувернантки Зигетт за четыре года до появления очерка Алданова. Ученый-геолог и спелеолог, член Академии наук, де Лоне был также увлечен историей, в частности и науки [12–14], и быта [15]. Внимание к Зигетт и ее семье как раз стало следствием этих двух интересов.

Одним из ученых, интересовавших де Лоне, был Александр Броньяр. Это неудивительно: они оба являлись геологами, а также учеными крайне широкого профиля, в круг интересов последнего входили также химия, зоология, палеонтология и многое другое. Однако широта интересов была свойственна не одному представителю семьи Броньяров. Обратимся к предисловию книги де Лоне: «Но хитросплетения наследственных признаков привели кроме всего прочего, согласно законам Менделя, к любопытному чередованию в этой династии представителей сферы искусства и научных областей, в результате чего появилась так называемая фамильная черта. После нескольких поколений юристов у аптекаря и химика по совместительству родился будущий известный архитектор: Теодор Броньяр, автор здания Биржи и планировки кладбища Пер-Лашез, друг Юбера Робера, Гудона, Клодиона, Куаснона, Давида, Жерара, мадам Виже-Лебрен и т. д. Среди детей Теодора Броньяра: сын, Александр Броньяр, один из основателей стратиграфии и руководитель-новатор фабрики в городе Севр (с 1800 по 1847 г. – директор фарфоровой фабрики в Севре, при которой организовал знаменитый Музей керамики. – *С.И.*), и дочь, баронесса Пишон, ученица Давида, талантливая художница¹» [14. Р. 5].

¹ Mais les lois complexes de l'hérédité ont amené, en outre, chez eux, par l'application de quelque formule Mendélienne, une bien curieuse alternance d'artistes et de savants qui suffi-

Выясняется, что у Александра-геолога был отец архитектор (Александр-Теодор Броньяр), а также сестра – ученица Давида и будущая баронесса Пишон.

Уточняя личность баронессы, мы обнаружили письмо Луи-Андре и Эмили Броньяр Пишионов Томасу Джефферсону [16], примечание к которому содержит множество деталей, проясняющих дальнейшую судьбу юной Зигетт. Приведем его перевод: «Александрин Эмили Броньяр Пишон родилась в 1780 и вышла замуж за Луи-Андре Пишона в 1800 году. Лафайет характеризовал ее как “очень любезная юная леди”. Младшая дочь в семье Луизы д’Эгремон Броньяр и архитектора Александра-Теодора Броньяра Эмили выросла в интеллектуальном и творческом парижском кругу, включавшем их родственника химика Антуана Франсуа де Фуркуа и нескольких художников. Жан Антуан Гудон вылепил бюсты старших брата и сестры Эмили, когда они были детьми. Другой скульптор, Жан-Луи Куаснон, изваял бюст четырехлетней Эмили (или Зигетт, как ее называли в семье). Элизабет Виж-Лебрен нарисовала очень живой портрет восьмилетней Эмили¹. Портрет пятнадцатилетней же Эмили в исполнении Франсуа Жерара привел в восторг критиков Салона в 1795 г. Она развивала свои творческие навыки под руководством Антуана-Дени Шода, а также Давида, предоставившего ей доступ в свою студию для копирования его работ. Она знала латинский язык, изучала музыку и посещала публичные лекции. По семейной традиции она отклонила предложение о замужестве друга своего брата, Жоржа Кювье. За несколько недель до своего отъезда в Америку в статусе генерального комиссара к ней посватался Луи-Андре Пишон², старше ее на девять лет. Через неделю после свадьбы и за два дня до отъезда Талейран пригласил к себе на ужин их и ее семью. Лафайет писал Александру Гамильтону об Эмили: “Я предсказал ей, что она очень сильно понравится американцам”. В США они поселились в Джорджтауне, где Эмили подружилась с Долли Мэдисон³ и Маргарет Смит⁴. Во время пребывания в США у Эмили родился сын, который вскоре умер. По приезде во Францию у пары со временем появилось еще трое детей. В 1830 г. Луи-

rait pour leur conférer une physionomie toute particulière. Après des générations de légistes, un pharmacien-chimiste engendre un architecte célèbre : Théodore Brongniart, l’auteur de la Bourse et du Père-Lachaise, l’ami de Hubert Robert, de Houdon, de Clodion, de Couasnon, de David, de Gérard, de Mme Vigée-Lebrun, etc. Celui-ci a parmi ses enfants : un fils, Alexandre Brongniart, l’un des fondateurs de la géologie stratigraphique et le rénovateur de la fabrique de Sèvres et une fille, la Baronne Pichon, élève de David qui eut un véritable talent de peintre.

¹ Сейчас портрет находится в Лондонской национальной галерее.

² О роли Пишона в продаже американцам Луизианы см.: [17. P. 257–270].

³ Долли Пэйн Тодд Мэдисон (1768–1849), супруга 4-го президента США Джеймса Мэдисона.

⁴ Маргарет Байар Смит (1778–1844), писательница, автор политических мемуаров, знакомая Томаса Джефферсона.

Андре получил титул барона, и Эмили стала баронессой» (перевод с англ. С.К. Пестерева. – С.П., С.И.).

К этому можно добавить, что отец Эмили, «архитектор на королевской службе», Александр-Теодор Броньяр, до своего отъезда в Бордо спроектировал множество парков и особняков для парижской знати, включая особняк Бурбонов-Конде, и привлекался к работе над зданиями Военной школы и Дома инвалидов. Уже в XIX в. он станет автором проекта кладбища Пер-Лашез (1804), а также дворца Броньяра, ранее Биржевого дворца (1807). Во время революции Броньяр уехал в «провинцию» (Бордо) для «постройки какого-то театра» (Théâtre de la Montagne), чтобы скрыться от возможных преследований как представитель старого строя. Однако при этом известно, что он участвовал в организации парижских церемоний празднования IV и V годов республиканского календаря, а также превратил собор в Бордо и церковь в Ла-Реоле в храмы Разума.

В этой деятельности проявились одновременно как его либерально-демократические убеждения, так и необходимость слиться с революционным течением, чтобы не пострадать от возможных репрессий. Точность анализа Алданова проявляется в определении идеологического фундамента Броньяра и его близких: «Думаю, что по общему своему облику члены семьи С. были довольно близки именно к Юберу Роберу. Его политическая мудрость нам более или менее известна: террор отвратителен, власть попала в руки злодеев, но от этого идеи 1789 года не теряют ни смысла, ни ценности. <...>. По-видимому, так думала и семья С.» [З. Р. 240]. И все же не стоит переоценивать значение политики в жизни Броньяров – в первую очередь, Александр-Теодор был профессионалом в воплощении масштабных архитектурных проектов, которые могли быть осуществлены только при определенной лояльности к текущему политическому строю.

Знание того, кем были номинально центральные персонажи очерка, способно многое изменить в его восприятии. В тексте меняется расстановка сил и вместо лакуны на месте семьи С. появляются полноценные участники исторического процесса. Гости не «делают одолжение» анонимным членам семьи, являясь ради сытных обедов и флирта с матерью Зигетт, теперь это скорее посещение светского салона, где их ждет равная им компания. Усиливается сюжет воспитания: участие звездных педагогов было не напрасным, так как становится известно, что Зигетт выросла талантливой и светской дамой, способной произвести впечатление на людей самого высшего общества.

Повышается значение и образа семьи и дома. В очерке Алданова это «на редкость дружная семья», а знание того, что Броньяры – одна из наиболее успешных династий французских ученых, подчеркивает важность теплых семейных отношений для культивирования научного интереса из поколения в поколение. С другой стороны, семейственность порождает способность идти на уступки и мириться со злом ради безопасности своих близких. Таким образом, данные лакуны могут свидетельствовать о приоритетах Алданова в изображении сфер человеческого бытия. Если

предположить, что ему все же была известна личность Зигетт, то нежелание использовать ее полный образ может лишний раз указывать на отсутствие интереса у Алданова к домашним, семейным и бытовым ценностям.

Еще один вопрос, на который мы пока не готовы дать однозначный ответ: насколько вероятно то, что Алданов действительно не увидел за «семьей С.» Броньяров? В начале очерка он пишет: «Письма эти извлечены из семейного архива, но проф. де Лоне не назвал фамилий. Семья, о которой идет речь, обозначена им буквой С¹» [З. Р. 215]. Луи де Лоне пишет чуть больше: «Семейство С. не нуждается в более точном обозначении. Мы их знаем. Мы знаем, что они приобрели заслуженную репутацию в искусстве и науке»². Возможно ли, что Алданов не заинтересовался личностями тех, кто так очевиден для де Лоне, что он даже не называет их имен? Могло ли это быть продолжением алдановской стратегии умолчания, начатой де Лоне? Французский архивист изображает, в первую очередь, быт эпохи, и появление в тексте известных имен могло бы сместить акценты. М. Алданову же интересен мир большой истории, и имя Броньяра было бы в его очерке более уместным.

Среди художественных приемов Алданова нередко изображение великой (возможно в будущем) личности глазами неосведомленного человека: «молодой и чрезвычайно красивый собою поэт Гете» (фройлейн Гертруда в «Девятом Термидоре»), «второй, после Илличевского, из молодых царскосельских поэтов» (де Бальмен о Пушкине в «Святой Елене»), Гитлер, неожиданно встреченный Профессором в «Астрологе». Смеем предположить, что в очерке «Зигетт в дни террора» повествователь, сам того не желая, оказался в похожей ситуации, «не узнав» семью Броньяра.

Список источников

1. *Une Vie de Famille pendant la Terreur*. (Documents inédits) // *La revue de France*. Jan-Feb 1935. Т. 1. № 1. Р. 43–58.
2. *Une Vie de Famille pendant la Terreur*. (Documents inédits) // *La revue de France*. Jan-Feb 1935. Т. 1. № 15. Р. 227–242.
3. Алданов М.А. Зигетт в дни Террора // Сочинения : в 6 т. Кн. 2: Очерки. М. : Новостри, 1995. С. 215–240.
4. *Гримо де ла Реньер А.* Альманах Гурманов / пер. с фр., вступ. ст., примеч. В.А. Мильчиной. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 640 с.
5. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Собрание сочинений : в 30 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 516 с.
6. Кизеветтер А.А. Рец на «Чертов Мост» // *Современные записки*. 1926. № 27. С. 476–479.
7. Бахрах А. Вспоминая Алданова // *Грани*. 1982. № 124. С. 155–182.

¹ Он лишь сообщает, что семья эта имеет почетное имя в истории французского искусства и науки (прим. М. Алданова – С.П., С.И.).

² *La famille С...* dont il va s'agir n'a pas besoin d'être désignée plus précisément. Nous la connaissons. Nous savons qu'elle a acquis une réputation justifiée dans les arts et dans les sciences [1. Р. 44].

8. Сабанеев Л.М. Алданов. К 75-летию со дня рождения // Новое русское слово. 1961. 1 октября.
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. // Краткий биографический словарь русского Зарубежья / вступ. статья К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж : YMCA-Press ; Москва : Русский путь, 1996. 448 с.
10. *История женщин на Западе*. Т. 4: Возникновение феминизма. От Великой французской революции до Мировой войны / ред. Ж. Фрассе. СПб. : Алетейя, 2015. 536 с.
11. *La Harpe*, Correspondance Littéraire, adressée à Son Altesse Impériale Mgr. le Grand-duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, chambellan de l'impératrice Catherine II, depuis 1774 jusqu'à 1789. Let. CLXII // Oeuvres. Paris, Verdère, 1820. Т. 11. 499 p.
12. *Launay L. de*. Le Grand Ampère. Paris : Libr. Académique Perrin, 1925. 274 p.
13. *Launay L. de*. Un grand Français: Monge, fondateur de l'École polytechnique. Paris : Éditions Pierre Roger, 1933. 280 p.
14. *Launay L. de*. Une grande famille de savants. Les Brongniart. Paris : G. Rapilly et fils, 1940. 208 p.
15. *Launay L. de*. Une famille de la bourgeoisie parisienne pendant la Révolution; Tous-saint Mareux, membre de la Commune de 1792 et directeur de Théâtre Saint Antoine et François Sallior, membre du Bureau central sous le Directoire, d'après leur correspondance inédite. Paris : Perrin, 1921. 388 p.
16. *To Thomas Jefferson* from Louis André Pichon and Émile Brongniart Pichon, 9 September 1802 // *The Papers of Thomas Jefferson*. 1 July–12 November 1802. Vol. 38 / ed. by Barbara B. Oberg. Princeton : Princeton University Press, 2011. P. 376–377.
17. *Bowman Albert H.* Pichon, the United States, and Louisiana // *Diplomatic History*. Vol. 1. № 3 (Summer 1977). P. 257–270.

References

1. La revue de France. (1935) Une Vie de Famille pendant la Terreur. (Documents inédits). *La revue de France*. January–February. 1 (1). pp. 43–58.
2. La revue de France. (1935) Une Vie de Famille pendant la Terreur. (Documents inédits). *La revue de France*. January–February. 15 (1). pp. 227–242.
3. Aldanov, M.A. (1995) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Novosti. pp. 215–240.
4. Grimod de La Reynière, A. (2014) *Al'manakh Gurmanov* [Almanach des Gourmands]. Translated from French by V.A. Mil'china. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Gertsen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
6. Kizevetter, A.A. (1926) Rets. na "Chertov Most" [Review of Devil's Bridge]. *Sovremennye zapiski*. 27. pp. 476–479.
7. Bakhrah, A. (1982) Vspominaya Aldanova [Remembering Aldanov]. *Grani*. 124. pp. 155–182.
8. Sabaneev, L.M. (1961) Aldanov. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya [Aldanov. On the 75th anniversary of the birth]. *Novoe russkoe slovo*. 1 October.
9. Struve, G.P. (1996) Russkaya literatura v izgnanii [Russian Literature in Exile]. In: Vildanova, R.I., Kudryavtsev, V.B. & Lappo-Danilevsky, K.Yu. (eds) *Kratkiy biograficheskiy slovar' russkogo Zarubezh'ya* [Brief Biographical Dictionary of the Russian Diaspora]. 3rd ed. Paris: YMCA-Press; Moscow: Russkiy put'.
10. Zhenev'eva, F. (ed.) (2015) *Istoriya zhenshchin na Zapade* [History of Women in the West]. Vol. 4. Saint Petersburg: Aleteyya.

11. La Harpe, F.-C. (1820) *Correspondance Littéraire, adressée à Son Altesse Impériale Mgr. le Grand-duc, aujourd'hui Empereur de Russie, et à M. le comte André Schowalow, chambellan de l'impératrice Catherine II, depuis 1774 jusqu'à 1789. Let. CLXII.* Vol. 11. Paris, Verdière.

12. Launay de, L. (1925) *Le Grand Ampère.* Paris: Libr. Académique Perrin.

13. Launay de, L. (1933) *Un grand Français: Monge, fondateur de l'École polytechnique.* Paris: Éditions Pierre Roger.

14. Launay de, L. (1940) *Une grande famille de savants. Les Brongniart.* Paris: G. Rapilly et fils.

15. Launay de, L. (1921) *Une famille de la bourgeoisie parisienne pendant la Révolution; Toussaint Mareux, membre de la Commune de 1792 et directeur de Théâtre Saint Antoine et François Sallior, membre du Bureau central sous le Directoire, d'après leur correspondance inédite.* Paris: Perrin.

16. Oberg, B.B. (ed.) (2011) To Thomas Jefferson from Louis André Pichon and Émile Brongniart Pichon, 9 September 1802. In: Oberg, B.B. *The Papers of Thomas Jefferson, vol. 38, 1 July–12 November 1802.* Princeton: Princeton University Press. pp. 376–377.

17. Bowman, A.H. (1977) Pichon, the United States, and Louisiana. *Diplomatic History.* 3 (1). pp. 257–270.

Информация об авторах:

Пестерев С.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.k.pesterev@urfu.ru

Иванова С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.K. Pesterev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.k.pesterev@urfu.ru

S.A. Ivanova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 21.10.2022; принята к публикации 31.07.2023.*

*The article was submitted 08.07.2022;
approved after reviewing 21.10.2022; accepted for publication 31.07.2023.*